

ПРОБЛЕМЫ ЕВРОСОЮЗА

ОТ ЕВРОСОЮЗА-I К ЕВРОСОЮЗУ-II

(ЕС в конце первого десятилетия XXI века)

Ю.А. Борко,

*доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник
Института Европы Российской академии наук*

Европейский союз – так с 1993 г. стало именоваться Европейское сообщество – вступил в XXI в. как триумфатор. К концу 1992 г. была выполнена 7-летняя программа завершения строительства единого внутреннего рынка. В 1995 г., после вступления в ЕС Австрии, Финляндии и Швеции, он объединил уже 15 европейских государств. В 2002 г. завершена 12-летняя программа создания экономического и валютного союза (ЭВС), его участники ввели у себя единую коллективную валюту – евро. В 2004 г. европейская интеграция впервые вышла за пределы Западной Европы: из 10 вступивших в Евросоюз государств восемь представляли регион Центральной и Восточной Европы; в 2007 г. к ним присоединились еще два государства этого региона. ЕС стал одним из крупнейших субъектов международных экономических и политических отношений. Статистические данные, характеризующие его место в мировой экономике, приведены в табл. 1.

Политический вес Евросоюза в мире подкреплен несколькими факторами – эко-

номической мощью, политической ролью его крупнейших участников – Франции, Великобритании, Германии и Италии, участием большинства (21 из 27) государств-членов ЕС в НАТО. В соответствии с Маастрихтским и Амстердамским договорами (1992 и 1997 гг.), в компетенцию ЕС вошло осуществление общей внешней политики и общей политики безопасности и обороны.

Кульминацией этого триумфального шествия должно было стать вступление в силу Договора о Европейской конституции, подписанного 29 октября 2004 г. в Риме главами государств или правительств 25 стран. Кроме своего главного практического назначения – реформы институтов ЕС, призванной повысить их действенность, упростить и ускорить процесс принятия решений, – договор содержал и сверхзадачу: дать новый мощный импульс движению Евросоюза к политической интеграции. Но кульминации не было. На референдумах во Франции и Нидерландах, состоявшихся в мае и июне 2005 г., Европейскую конституцию отвергло большинство проголосовав-

Таблица 1

Некоторые экономические показатели Европейского союза, 2007 г.

Показатель	Абсолютный показатель	Удельный вес в мире	Занимаемое место
Население, млн чел.	490,0	7,4%	3-е после Индии и Китая
ВВП, млрд долл., ППС	14 953	20,7%	2-е после США
ВВП на душу населения, долл., ППС	30 520	–	–
Экспорт товаров, млрд евро*	1481,7	16,4%	1-е
Импорт товаров, млрд евро*	1697,8	18,1%	2-е после США
Прямые иностранные инвестиции, ввоз, млрд евро**	610,0	39,6%	1-е

* 2006 г., ЕС-25.

** Включая трансакции между государствами-членами ЕС.

Источник. Составлено по данным [1–4].

ших граждан. Удар был тем чувствительнее, что договор провалился в двух государствах, одно из которых являлось инициатором европейской интеграции и создания Европейских сообществ, а другое – их соучредителем.

С тех пор прошло почти пять лет, и непредвзятый анализ ситуации в ЕС позволяет заключить, что провал проекта Европейской конституции был знаковым событием. Оно возвестило о том, что время высокой динамики европейской интеграции закончилось; начался новый и, скорее всего, длительный период трудного, противоречивого и часто болезненного развития.

ЕС в начале XXI века: оценка состояния

При всех минувших достижениях Евросоюза, которые всегда следует держать в уме, к нынешнему положению дел в нем как нельзя лучше подходит реплика Марцелла во время встречи Гамлета с призрак убиенного короля-отца: «Неладно что-то в Датском королевстве». Действительно, список неудач и трудностей Союза внушительен.

1. Провал Договора о Европейской конституции вверг Евросоюз в глубокий институциональный кризис, продолжавшийся четыре с половиной года. Из них три года ушло на подготовку, подписание и мучительный, едва не сорвавшийся – из-за отрицательного итога первого референдума в Ирландии – процесс ратификации гораздо более скромного по своим целям и задачам Лиссабонского Договора о реформе институтов ЕС. Последней в начале ноября 2009 г. завершила ратификацию Республика Чехия, и с 1 декабря договор, наконец, вступил в силу. Институциональный кризис преодолен, и это, по нынешним меркам, можно считать большим успехом, однако и обновленную систему институтов и процедур принятия решений в ЕС нельзя назвать оптимальной, так как она является, в немалой степени, итогом компромиссов между его государствами-членами. Насколько она будет эффективной и оперативной, покажет практика ее применения.

2. На протяжении всей истории ЕС вплоть до конца прошлого века процесс его

расширения следовал за процессами углубления экономической интеграции, не вызывая никаких негативных эффектов, тормозящих эти процессы и выполнение соответствующих программ. Впервые дисбаланс между углублением и расширением европейской интеграции возник в начале XXI в., когда в ЕС вступили 10 государств Центральной и Восточной Европы. Напуганные кровавой войной на территории бывшей Югославии и общей нестабильностью в регионе ЦВЕ, «верхи» государств ЕС рассматривали принятие этих стран как «политический императив для Союза, который может содействовать миру, безопасности, стабильности и прогрессу в Европе» [5]. Действительно, приняв в свои ряды после 10-12-летней подготовки страны ЦВЕ, Евросоюз расширил на восток зону мира и стабильности, но, как показали последующие годы, в жертву была принесена стратегия углубления интеграции. Назад отброшено строительство экономического и валютного союза. В 2002 г. он объединял 12 из 15 государств-членов ЕС (кроме Великобритании, Дании и Швеции). Сегодня в ЭВС входят 16 из 27 государств-членов, в том числе четыре участника-«новобранца» – Кипр, Мальта, Словения и Словакия. Остальные страны ЦВЕ, планировавшие вступить в ЭВС максимально быстро, вскоре решили отложить свои намерения до 2010–2013 гг. В результате экономического кризиса сроки их вступления отодвинутся еще дальше, в том числе и потому, что условия вступления в еврозону будут теперь гораздо более жесткими. Неустойчивость и низкая прогнозируемость мировой хозяйственной конъюнктуры не позволяет оценить с достаточной точностью, как будет протекать процесс экономической конвергенции стран ЦВЕ и их адаптации к единому внутреннему рынку (ЕВР) Евросоюза. Следовательно, невозможно определить, когда завершится формирование ЕВР и ЭВС – двух составляющих единого экономического пространства в Союзе. Скорее всего, на это уйдет все второе десятилетие нового века.

3. Проблему увязки процессов углубления и расширения интеграции усугубляет выстроившаяся очередь кандидатов на вступ-

ление в ЕС – шести признанных и одного полупризнанного государства на Западных Балканах, а также Турции и Исландии. «Политический императив», которым было мотивировано принятие государств ЦВЕ, сохраняет силу и теперь: в ЕС рассчитывают на то, что это позволит снизить остроту межэтнических и межгосударственных отношений в регионе Западных Балкан, и в частности довести до конца легитимацию государственной независимости Косово. Но есть и немало противников нового расширения, считающих, что Союз достиг и даже пересек оптимальные рубежи своего расширения. Когда и в каком виде оно состоится, пока не очевидно, и дискуссии на эту тему в ЕС продлятся не один год.

4. Экономический кризис добавил стратегам ЕС еще одну головную боль – провал принятой в 2000 г. Лиссабонской программы создания «наиболее конкурентоспособной и динамичной экономики в мире, основанной на знаниях», которая была рассчитана на 10 лет. Симптоматичное совпадение: проведенный в 2005 г. анализ выполнения программы выявил большое отставание; в том же году Жак Делор, самый выдающийся председатель Европейской комиссии (ЕК) за всю ее историю, заявил, что с принятием стран ЦВЕ в Союз явно поторопились [6]. Выходит, с расширением поспешили, а с углублением – опоздали. Фактическим признанием провала Лиссабонской программы стало появление нового программного документа «Европа - 2020», предложенного Еврокомиссией в марте 2010 г. В него перенесены основные цели и задачи прежней программы, но перспективы осуществления новой стратегии, особенно в том, что касается существенно повышения конкурентоспособности и темпов роста, выглядят проблематичными.

5. При всех расхождениях в оценках последствий расширения Евросоюза, в одном пункте все участники дискуссий единодушны: его неоднородность существенно возросла. Выиграв в территории и численности населения, прибавив в экономической силе, он уплатил за это ослаблением сплоченности. Сегодня ЕС выглядит как разнородное объединение с дифференцированными интересами и позициями госу-

дарств-членов. Принцип солидарности, который играл первостепенную роль в развитии европейской интеграции и был предметом гордости ее участников, вывернут наизнанку. Если раньше его смысл заключался в консолидации государств-членов на основе общих интересов и целей, то теперь к солидарности все чаще призывают государства, противопоставляющие свои специфические интересы и проблемы интересам подчас подавляющего большинства участников Евросоюза. Разнородность и дифференциация интересов государств-членов будут в большой, а иногда и в решающей степени определять внутреннюю динамику европейской интеграции и эффективность институциональной системы ЕС. В не меньшей мере это относится к деятельности и роли Евросоюза в сфере мировой политики. Пока ему лишь от случая к случаю удастся говорить на этой арене «единым голосом». Общая внешняя политика не стала нормой его действий, особенно в сложных и важных для ЕС ситуациях. Примеров тому немало – от раскола в оценке вторжения США в Ирак до серьезных разногласий в энергетической политике Союза и взглядах на будущие отношения с Россией. В итоге политический вес ЕС на международной арене по-прежнему далеко не соответствует его экономическому весу.

Таковы главные слагаемые кризисного состояния, в котором пребывает Евросоюз. Более детальный анализ этих факторов излагается ниже. Предваряя его, следует подчеркнуть, что внутренний кризис ЕС сказывается и на его отношениях с окружающим миром.

Проблема экономической конвергенции

Понятие «конвергенция», или «сближение», используется в различных областях науки. В экономической науке оно обычно обозначает эффект догоняющего развития менее развитых стран, выраженный в показателе дохода или ВВП в расчете на душу населения [7]. Впервые экономическая конвергенция как особое направление интеграционной политики ЕЭС возникла в середине 80-х годов, когда, в дополнение к ранее вступившей Ирландии,

его членами стали еще три среднеразвитых государства – Греция (1980) и Испания с Португалией (1986). Их социально-экономическое отставание от других государств-членов никак не отражалось на выполнении программ углубления интеграции, так как доля этих стран в населении и ВВП Сообщества была очень мала. В целях ускорения процесса их конвергенции с более развитыми странами ЕЭС им оказывалась регулярная финансовая помощь, а в 1992 г. создан специальный Фонд сплочения, субсидировавший лишь те страны, в которых производство ВВП на душу населения было ниже 75% от уровня ЕЭС в целом. Средства Фонда предназначались только четырем названным государствам. Почему выбрана именно эта цифра, осталось секретом. Самое логичное объяснение, видимо, состоит в том, что она была избрана как показатель успешной конвергенции. О «лукавых» цифрах, которыми оперируют экономисты, сказано много. К «лукавству» этой цифры мы обратимся позже, но сначала вернемся к теме данного раздела.

Расширение ЕС в 2004–2007 гг. создало качественно иную ситуацию. Союз впервые представляет собой неравновесное объединение двух регионов, Западной и Центрально-Восточной Европы, разделенных по многим экономическим, социальным и культурным параметрам, по стоящим перед ними актуальным задачам и по интересам. Огромное неравенство между этими двумя регионами негативно сказывается на политическом и психологическом климате в ЕС, консервируя широко распространенное и в высших стратах, и среди населения восприятие друг друга по формуле – «мы» и «они». Поэтому конвергенция необходима не только с экономической, но и с социально-политической точки зрения. Но главным в конвергенции является ее экономи-

ческая составляющая. Чрезмерный разрыв в уровнях развития тормозит создание эффективного внутреннего рынка и ЭВС в масштабе расширенного Союза, повышение его конкурентоспособности.

Базовые показатели, характеризующие масштаб разрыва в уровнях экономического и социального развития ЕС-15 и вступивших стран ЦВЕ, приведены в табл. 2.

В 2004 г. лишь в четырех государствах из 12 – Кипре, Мальте, Словении и Чехии – ВВП на душу населения превышал 50% от уровня в ЕС-15, а в восьми – он лежал в диапазоне 26–44%. Для сравнения: в Ирландии в год ее вступления данный показатель был равен 60,8% от уровня ЕЭС, в Греции – 68,9, в Португалии – 54,5% (везде по ППС). Таким образом, странам ЦВЕ предстояло пройти более длинный и долгий путь экономического сближения со странами ЕС-15.

Финансовая помощь Евросоюза странам ЦВЕ началась в период их подготовки к вступлению и была призвана содействовать выполнению копенгагенских критериев, дающих право на вступление в ЕС. По сути, это критерии первого этапа конвергенции. Помощь предоставлялась в виде субсидий в рамках программы ФАРЕ (13 млрд евро за период 1990–2002 гг.) и кредитов Европейского инвестиционного банка (18,8 млрд евро, 1994–2002 гг.)¹. За те же годы прямые инвестиции стран-членов ЕС в экономику стран ЦВЕ составили около 120 млрд евро [15]. После 2004 г. целью такой помощи стало содействие конвергенции и реальной интеграции новых государств-членов в единый внутренний рынок ЕС. В течение 2003–2007 гг. они получили в виде кредитов ЕИБ по программе «Сплочение и конвергенция» 28,2 млрд евро, или 14% средств, выделенных по этой программе всем 27 государствам-членам.

¹ Подсчитано по данным [10–14].

Таблица 2

ЕС-15 и новые государства-члены: население и ВВП в 2004 г.

Государства	Население, млн чел.	ВВП (по ППС), млрд евро	ВВП н/д (по ППС), евро
ЕС-15	380,3	9756	25 650
НГЧ-12*	104,0	1164	11 190
НГЧ-12, % (ЕС-15=100)	27,4	11,9	43,6

* Болгария, Венгрия, Кипр, Латвия, Литва, Мальта, Польша, Румыния, Словакия, Словения, Чехия, Эстония.
Источник. Рассчитано по данным [8; 9].

В бюджете ЕС на 2007–2013 гг. разница между взносами стран ЦВЕ и получаемыми из него средствами запланирована в сумме 173,4 млрд евро [16]. Использование средств, выделенных из бюджета ЕС на осуществление прошедших аттестацию проектов, несомненно, содействовало перестройке экономики и некоторому смягчению социальных проблем новых членов Союза. В еще большей мере этому способствовал приток иностранных инвестиций, в основном из стран ЕС-15. Темпы экономического роста в странах ЦВЕ были в 2-3 раза выше, чем в еврозоне. В итоге страны ЦВЕ за четыре года (2004–2007) продвинулись в своих показателях ВВП на душу населения на 5–16 процентных пунктов, за исключением Венгрии, которая осталась на прежнем уровне [17].

Финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. прервал эту динамику, причинив странам ЦВЕ гораздо больший ущерб, чем западноевропейским странам. Детально этот вопрос будет рассмотрен в следующем разделе. Здесь же отметим, что новые участники ЕС отброшены назад на несколько лет и им придется в той или иной степени повторить пройденный путь конвергенции.

Стратегические задачи, стоящие перед странами ЦВЕ в сфере экономики, остаются прежними: модернизация на основе новых технологий и переход на инновационный путь развития, перестройка отраслевой структуры и опережающее развитие инфраструктуры, подготовка и переподготовка кадров, повышение качества менеджмента и эффективности экономической политики государства. Мера успеха конвергенции будет определяться двумя факторами: во-первых, тем, насколько успешно будут решаться эти задачи, обеспечивая качественную трансформацию экономики стран ЦВЕ, и, во-вторых, их возвращением к опережающим темпам роста по сравнению с еврозоной.

Экономическая динамика и конкурентоспособность

Один из парадоксов европейской интеграции заключается в том, что все ее бесспорные успехи никак не сказались на темпах экономического роста Евросоюза, прежде всего Западной Европы. Как свидетель-

ствуют данные табл. 3, на протяжении последних 20 лет ЕС, как правило, отставал от США, не говоря уже об удручающем разрыве в темпах роста относительно Китая и Индии, стран Юго-Восточной Азии и Латинской Америки. В итоге доля Западной Европы в мировой экономике снизилась с 34% в 1970 г. до 25% в 2007 г., тогда как доля США не изменилась – 33%, а доля Азии выросла с 19 до 28% [18]. Отставание стран ЕС не имело прямой связи с интеграцией. По мнению многих экспертов, оно было обусловлено тем, что Западная Европа с опозданием среагировала на новый тур научно-технической революции в 70–80-е годы, а также относительно большей консервативностью европейского бизнеса по сравнению с американским, инертностью экономической политики и чрезмерным социальным бременем политики «государства благосостояния». Так или иначе, страны ЕС отстали от США в развитии большинства отраслей высоких технологий и структурной перестройке экономике.

Чтобы остановить эту негативную тенденцию, в 2000 г. была утверждена 10-летняя программа создания «наиболее конкурентоспособной и динамичной экономики в мире, основанной на знаниях», получившая название Лиссабонской стратегии, по имени города, в котором состоялся одобренный ее саммит Евросоюза. В число ее главных задач входили ускорение научно-технического прогресса и повышение уровня расходов на эти цели до 3% ВВП, создание к 2010 г. 22 млн новых рабочих мест в странах ЕС и повышение уровня занятости трудоспособного населения до 70% (в 2000 г. он составлял 62%, тогда как в США – 72%), модернизация систем социальной защиты и здравоохранения и, в конечном счете, обеспечение более динамичного и устойчивого экономического роста. Впрочем, заявленная цель – добиться устойчивого ежегодного роста совокупного ВВП Евросоюза на 3% – выглядела очень скромно².

Проведенный в конце 2004 г. анализ хода выполнения Лиссабонской программы показал, что она находится на грани

² Обстоятельный анализ Лиссабонской стратегии и хода ее выполнения см. в [21].

Темпы роста ВВП в некоторых странах и регионах мира, %

Страны, регионы	1990–1999 гг.	2000–2003 гг.	2004–2007 гг.	2008 г.	2009 г.*	2010 г.*	2013 г.*
Европейский союз	2,0	2,20	2,80	1,0	-4,2	0,45	2,45
В том числе:							
еврозона	–	1,85	2,30	0,7	-4,2	0,30	1,96
ЦВЕ	1,2	3,60	6,35	3,0	-5,0	1,70	4,20
США	3,1	2,15	2,95	0,4	-2,7	1,50	2,50
РРЭиРС**	3,2	5,15	7,60	6,0	1,7	5,10	6,60
В том числе:							
Китай	9,9	8,95	10,75	9,0	8,5	9,00	9,70
Индия	5,6	5,20	9,00	7,3	5,3	6,40	8,00
СНГ	–	7,05	7,85	5,5	-6,7	2,10	4,60

* Прогноз.

** Страны с развивающейся и рождающейся рыночной экономикой.

Источник. Составлено по данным [19; 20].

провала. В подготовленном группой экспертов докладе главной причиной неудач назван дефицит полномочий Еврокомиссии, на которую была возложена ответственность за выполнение программы, а виновниками провального итога объявлены государства-члены, которым надлежало быть непосредственными исполнителями, действующими на основе разрабатываемых национальных программ. Доля истины в этих выводах есть, однако фундаментальные причины провала в докладе не названы: во-первых, изначальная нереальность программы, слишком амбициозные цели и слишком короткий срок; во-вторых, разнородность ЕС-27, многие участники которого, особенно большинство стран ЦВЕ, просто не в состоянии были выйти на установленные в программе количественные параметры, прежде всего в том, что касается повышения расходов на науку до 3%. В числе стран с худшими показателями оказались два самых слабых участника еврозоны – Греция и Португалия и большинство новых членов ЕС (в некоторой мере исключениями являются Словения, Чехия и Мальта).

Из пересмотренного и более скромного варианта Лиссабонской стратегии, утвержденного в декабре 2005 г., были изъяты планы по созданию наиболее динамичной и конкурентоспособной экономики в мире с указанием конкретного срока достижения этой цели. Из старой программы сохранены две стратегические задачи – создание новых рабочих мест и ускорение экономического роста, а из конечных контрольных цифр – повышение уровня занятости тру-

доспособного населения до 70% и увеличение расходов на НИОКР к 2010 г. до 3% суммарного ВВП Евросоюза. Были сформулированы четыре приоритетных направления реализации Лиссабонской программы: инвестиции в НИОКР и образование; стимулирование предпринимательства, особенно малого и среднего бизнеса; повышение занятости и решение проблем, связанных со старением населения; эффективная энергетическая политика, обеспечивающая энергетическую безопасность [22].

Как оказалось, на выполнение обновленной Лиссабонской программы в достаточно благоприятной экономической ситуации у Евросоюза оставалось два с небольшим года.

Мировой кризис – проверка качества роста

Острейший финансовый кризис, начавшийся в США осенью 2008 г. и вызвавший цепную реакцию во всем мире, кардинально изменил ситуацию в ЕС и выдвинул на первый план задачу его преодоления и минимизации негативных последствий. С начала кризиса прошло почти два года, в ряде стран еврозоны наметилась тенденция к возобновлению экономического роста, и накопленный за это время опыт позволяет сделать некоторые предварительные обобщения.

Поначалу масштабы кризиса были явно недооценены. В экономическом обзоре ОЭСР, опубликованном в ноябре 2008 г., прогнозировалось, что в 2009 г. ВВП в США сократится на 0,9%, в еврозоне – на

0,5%. Реальное падение составило соответственно 2,4 и 4%. Авторы доклада «Экономический кризис в Европе: причины, последствия и ответы», опубликованного Еврокомиссией в октябре 2009 г., сочли нужным отметить, что «лица, принимающие решения в Европейском союзе, были неприятно удивлены той степенью остроты, которой достиг финансовый кризис» [23].

Тем не менее руководящие органы ЕС достаточно оперативно среагировали на кризис. В короткий срок были разработаны и утверждены на саммитах ЕС, состоявшихся 15-16 октября и 11-12 декабря 2008 г., план антикризисных действий еврозоны и план экономического оздоровления Евросоюза, в которых были определены согласованная стратегия и ее ключевые направления. В дальнейшем этот план не раз корректировался и дополнялся. В частности, начальный потолок расходов на его осуществление в размере 1,5% совокупного ВВП Евросоюза был дважды поднят: в марте 2009 г. – до 3,3%, в июне – до 5% совокупного ВВП, что составляет более 600 млрд евро. Реальная цифра затрат на преодоление кризиса и его негативных экономических и социальных последствий намного выше и, по-видимому, приближается к одному триллиону евро.

Важнейшая особенность антикризисного плана с самого начала состояла в том, что он установил общие принципы и направления действий, а его реализация была возложена на государства-члены, действующие самостоятельно, исходя из конкретной ситуации и опираясь, прежде всего, на собственные средства. Тем самым план изначально поставил их в неравные условия, поскольку у более развитых государств-«старожилов», особенно крупных, ресурсов в десятки раз больше, чем у новых участников ЕС, и опыта также несравненно больше.

В целом, план со всеми его коррективами предусматривал пять главных областей действий, а именно: 1) поддержка и оздоровление банковского сектора; 2) переход от антиинфляционной к стимулирующей денежно-кредитной политике; 3) селективная поддержка реального сектора экономики, особенно малого и среднего бизнеса; 4) меры социального характера с

целью облегчить положение тех слоев населения, которые в наибольшей степени пострадали от кризиса; 5) активное участие в разработке и координации антикризисной политики на глобальном уровне.

Не входя в детальный анализ этих направлений антикризисной политики ЕС³, автор видит свою задачу в том, чтобы попытаться дать сравнительную характеристику кризиса и антикризисной политики различных групп государств-членов ЕС, раскрыть его собственную роль в ее осуществлении и, наконец, выяснить, приобрел или проиграл Евросоюз во внутренней солидарности и сплоченности.

Прежде всего, бросается в глаза огромный разброс значений индикаторов экономического кризиса. Динамика их изменений в 2009 г. по сравнению предыдущим годом выглядит следующим образом:

по ВВП – от +1,2% (Польша) до -18,1% (Литва);

по инвестициям (без Мальты и Кипра) – от -5,1% (Чехия) до -29,2% (Ирландия);

по занятости – от +0,5% (Люксембург) до -8,9% (Латвия) и -9,0% (Ирландия);

по экспорту – от -6,2% (Кипр) и -7,3% (Греция) до -18,3% (Финляндия);

по дефициту госбюджета – от +0,5% (Финляндия) до -10,2% (Великобритания);

по росту внутреннего госдолга – от +0,2% (Дания) до +16,6% (Великобритания);

по темпам инфляции – от -1,7% (Ирландия) до +6,6% (Румыния) [28].

На наш взгляд, с точки зрения глубины кризиса и эффективности антикризисной политики, проводившейся в государствах-членах с конца 2008 г., их можно свести в четыре группы, как это представлено в табл. 4. В ней не учтены Кипр и Мальта, не входящие ни в одну из групп, но они, в силу своих размеров, не меняют общую картину. Остальные 25 государств, выстроенные в порядке возрастания каждого негативного показателя, разделены на лучшую и худшую группу (соответственно, 1–12-е и 13–25-е места). Картина получается недвусмысленная и выразительная.

³ На этот счет есть обширная зарубежная и отечественная литература. См., например, [24–26].

Группы стран ЕС по индикаторам экономического кризиса, 2009 г. ^{1,2}

Индикатор	ЕС-11 ³	ЕС-4 ⁴	ЦВЕ-5вс ⁵	ЦВЕ-5бб ⁶
Сокращение ВВП, %				
Лучшая группа, 1–12	8	3	1	-
Худшая группа, 13–25	3	1	4	5
Сокращение инвестиций, %				
Лучшая группа, 1–12	7	1	3	1
Худшая группа, 13–25	4	3	2	4
Снижение занятости, %				
Лучшая группа, 1–12	6	2	2	2
Худшая группа, 13–25	5	2	3	3
Сокращение экспорта, %				
Лучшая группа, 1–12	6	3	2	1
Худшая группа, 13–25	5	1	3	4
Дефицит бюджета, % к ВВП				
Лучшая группа, 1–12	9	0	1	2
Худшая группа, 13–25	2	4	4	3
Рост госдолга, % к ВВП				
Лучшая группа, 1–12	7	0	3	2
Худшая группа, 13–25	4	4	2	3
Темпы инфляции, %				
Лучшая группа, 1–12	6	2	3	1
Худшая группа, 13–25	5	2	2	4

¹ Предварительные данные.

² Государства разделены на лучшую и худшую группы в соответствии с возрастающими отрицательными индикаторами.

³ ЕС-11 – высокоразвитые страны ЕС-15: Великобритания, Германия, Италия, Франция, Австрия, Бельгия, Люксембург, Нидерланды, Дания, Финляндия, Швеция.

⁴ ЕС-4 – среднеразвитые страны ЕС-15: Греция, Ирландия, Испания, Португалия.

⁵ ЦВЕ-5вс – страны Вышеградской группы: Венгрия, Польша, Словакия и Чехия плюс Словения.

⁶ ЦВЕ-5бб – страны балкано-балтийской группы: Болгария, Румыния, Латвия, Литва и Эстония.

Источник. [29].

Мы видим, что единственной группировкой, представленной большей частью в «лучшей» группе, являются 11 высокоразвитых государств. При этом три из них – Великобритания, Дания и Швеция – в еврозону не входят. Все они, так или иначе, могли позволить себе беспрецедентную государственную помощь банковскому сектору и реальному сектору экономики. К началу 2010 г. Великобритания, Германия, Франция и Италия выделили на антикризисные меры около 300 млрд евро. Не меньшую поддержку, пропорционально размерам своей экономики, оказали Нидерланды, Бельгия, Австрия, Дания и другие развитые малые государства. Они быстро среагировали на ситуацию и, подобно крупным государствам, ввели в действие комплекс антикризисных мер, включая рекапитализацию банков и реструктуризацию банковской системы, предоставление стабили-

зационных кредитов, снижение процентных ставок, поддержку отдельных отраслей экономики, снижение налогов, повышение суммы гарантий и даже 100%-е гарантии по вкладам и т. д. Во всех 11 государствах финансирование антикризисных программ обеспечивалось внутренними ресурсами.

В худших группах больше всего этих стран (пять из одиннадцати) представлено по трем индикаторам – темпам инфляции, сокращению экспорта и занятости. Первым можно пренебречь, поскольку в минувшем году инфляция в странах ЕС-11 уложилась в пределы 0–1,1%. Резкое сокращение экспорта Германии, Италии, Франции и Финляндии является оборотной стороной их активной торговой политики на внешних рынках. В их экспорте доля третьих стран составляет от 35 до 45%; здесь-то и произошло резкое сокращение экспортных поставок вышеуказанных

стран. Наконец, более высокие темпы сокращения занятости, возможно, служат косвенным свидетельством ускорения технологической и структурной перестройки экономики. В целом, страны ЕС-11 относительно благополучно миновали кризис, хотя цена выхода из него оказалась очень высокой, включая не только огромные затраты на поддержание банковского сектора и реального сектора экономики, но и существенное превышение количественных нормативов ЭВС – бюджетного дефицита и государственного долга.

Страны, входящие в остальные группы (см. табл. 4), оказались в основном в нижней части рейтинга (13–25 места). Один из неожиданных и важнейших уроков кризиса состоит в том, что степень экономической конвергенции большинства менее развитых государств-членов Евросоюза оказалась существенно завышенной. Особенно это относится к странам, вступившим в ЕС в 70-х и 80-х годах прошлого века, за исключением разве что Португалии, чей показатель ВВП на душу населения подрос в 2007 г. до 68% от уровня еврозоны (75% от уровня ЕС-27). В Греции он достиг в том же году 89% (соответственно, 98%), в Испании – 97% (107%), в Ирландии – даже 133% (146%), уступая только Люксембургу. Это как раз те случаи, когда реальная экономика воочию продемонстрировала «лукавство» экономической статистики. Качественные преобразования в экономике происходят медленнее, чем сближаются показатели ВВП на душу населения, что и показал нынешний экономический кризис. Все четыре государства крайне тяжело перенесли его, а Ирландия и Греция оказались на грани экономической катастрофы.

Первая из них, еще недавно являвшая собой последний образец «экономического чуда» в Европе, стала жертвой длительного «перегрева» экономики и сверхлиберальной экономической политики государства, которое открыло настежь двери иностранному капиталу, начавшему свертывать свою активность в стране при первых же симптомах финансового кризиса. В 2009 г. инвестиции в ирландскую экономику сократились на 29% (высший показатель в

ЕС), дефицит бюджета вырос до 9%, госдолг – с 44 до 65% к ВВП.

Еще хуже ситуация в Греции, над которой нависла угроза дефолта. Она во многом обусловлена популистской политикой правительства и низкой финансовой дисциплиной. В 2009 г. дефицит бюджета увеличился до 12,7%, а государственный долг – до 103% к ВВП. Только этой критической ситуаций можно объяснить на редкость откровенное интервью главы Евростата Вальтера Радермахера, назвавшего основными причинами кризиса в Греции слабость управленческих структур, затянувшиеся реформы, коррупцию и, не в последнюю очередь, многолетнюю фальсификацию статистических данных [30]. Угроза банкротства Греции уже привела к падению курса евро; в финансовых и экспертных кругах ряда стран открыто заговорили о том, что надо спасать не Грецию, пребывание которой в еврозоне бесперспективно, а европейскую валюту. Однако в «верхах» ЕС посчитали этот вариант слишком радикальным. По требованию Еврокомиссии в январе 2010 г. правительство Греции представило план стабилизации государственных финансов на 2010–2013 гг., а состоявшийся 15–16 февраля Совет Экофин одобрил включенный в этот план график снижения бюджетного дефицита до 8,7% в 2010 г. и до 3% в 2012 г. Было также дано согласие на финансовую помощь, но при условии проведения глубоких структурных реформ и рестриктивной политики в области заработной платы в госсекторе, пенсий, здравоохранения и т. д. В мае, после долгих дискуссий, было решено выделить Греции в течение трех лет пакет льготных (под 5%) кредитов в сумме 110 млрд евро. Из них 80 млрд предоставляют страны еврозоны пропорционально их долям в уставном капитале ЕЦБ, а 30 млрд – МВФ. Одновременно по требованию Еврокомиссии греческое правительство приняло третий пакет мероприятий с целью сокращения бюджетного дефицита, включая повышение налогов на топливо и табак, отмену дополнительных выплат госслужащим и повышение пенсионного возраста.

Беспрецедентный размер помощи был вызван тем, что на кону стояла не только и

не столько Греция, сколько судьба самой еврозоны. Греция – не единственная слабость зоны евро. В конце апреля рейтинговое агентство Standard & Poor's понизило кредитные рейтинги Испании и Португалии, предупредив, что следующими на очереди могут быть Ирландия и Италия. 10 мая Совет министров финансов ЕС принял решение создать специальный механизм финансовой поддержки – Стабилизационный фонд объемом в 750 млрд евро, из которых 440 млрд обязались предоставить страны ЕС, 60 млрд – Еврокомиссия, 250 млрд – МВФ. По мнению министров, этой суммы должно хватить на ближайшие 3–5 лет, необходимых для консолидации бюджета и снижения дефицитов до нормативных 3%. Мотивы участия МВФ понятны: кризис евро превратился в главное препятствие стабилизации мировой финансовой системы. На очереди в ЕС еще одно важное мероприятие – ужесточение правил, регулирующих финансовую и экономическую политику участников еврозоны, включая жесткие санкции к странам, нарушающим бюджетную дисциплину и принимаемые на уровне ЕС ориентиры экономической политики. Особенно настаивает на этом Германия, которая является главным кредитором государств, запутавшихся в своих долгах.

Все, что сказано о проблеме конвергенции четверки стран, входящих в еврозону, относится и к странам ЦВЕ. Большинству из них кризис нанес огромный урон, особенно балкано-балтийской группе. На этапе финансового кризиса почти все страны «десятки» попали в трудное положение из-за крайней слабости банковского сектора и отсутствия внутренних ресурсов для его поддержки. На втором этапе, когда кризис перешел в сферу реального сектора экономики, негативную роль сыграли низкая конкурентоспособность этих стран на внутреннем рынке ЕС и на внешних рынках, а также практически полное прекращение притока иностранных инвестиций. Вместе с тем большой разброс индикаторов кризиса свидетельствует о том, что, кроме общих отягчающих обстоятельств, действовали также специфические национальные факторы, которые в одних странах смягчали, а в других усугубляли

его. Легче других перенесли кризис Польша, Чехия и Словакия, хотя и в этих странах дефицит бюджета превысил нормативные 3% ВВП, выросли государственный долг и уровень безработицы.

В число стран с наибольшим сокращением ВВП вошли: Венгрия – 6,5%, Словения – 7,4, Румыния – 8,5, Эстония – 14, Латвия и Литва – свыше 18% [31]. Все они, либо большинство из них, оказались в числе наихудших по таким показателям, как объем инвестиций и экспорта, уровень занятости, объем государственного долга и темпы инфляции; все превысили трехпроцентный норматив дефицита государственного бюджета. Трём государствам – Венгрии, Румынии и Латвии, оказавшимся на грани финансового банкротства, была оказана экстренная помощь: первым двум – по 20 млрд евро, Латвии – в размере 7,5 млрд. В качестве доноров выступали ВМФ, Всемирный банк и ЕБРР. Не обошлось и без политических кризисов – в отставку ушли правительства Венгрии и Латвии. В сущности, кризис показал, что первый копенгагенский критерий – создание эффективно функционирующей экономики, способной выдержать конкуренцию на внутреннем рынке ЕС – не был полностью выполнен ни в момент вступления стран ЦВЕ в Евросоюз, ни к 2008 г.

Роль высших органов Евросоюза в преодолении кризиса

По поводу собственной роли Евросоюза в период кризиса европейские эксперты и обозреватели высказывают две полярные точки зрения. По мнению одних, он доказал свою способность к слаженным действиям в критической ситуации. По мнению других, он доказал как раз обратное. Антикризисная политика ЕС действительно оставляет двойное впечатление, однако оба приведенных мнения являются односторонними.

Фактически роль высших органов Евросоюза проявилась в трех видах действий.

Разработка согласованной антикризисной стратегии. Как уже отмечалось, в ее основу лег План экономического оздоровления Европы, который в дальнейшем не раз корректировался и дополнялся. Его

выполнение было возложено на национальные власти, тогда как за Еврокомиссией остались функции мониторинга и оценки их действий, а также выработки рекомендаций, если эти действия были сочтены неэффективными или расходились с установками упомянутого плана. Доклады и рекомендации ЕК не носили обязывающего характера, но они играли полезную роль в ходе регулярного обмена мнениями между министрами экономики и финансов в Совете ЭКОФИН и между главами государств и правительств на заседаниях Европейского совета. Эти два Совета и были реальными координаторами антикризисной политики государств-членов ЕС.

Адаптация правил и нормативов, установленных в Пакте стабильности и роста, к условиям кризиса и задачам проводимой национальными правительствами антикризисной политики. Были временно приостановлены санкции и штрафы в случае превышения странами ЕС лимитов бюджетного дефицита и государственного долга – 3 и 60% ВВП соответственно. К началу 2010 г. в ЕС не осталось ни одного государства, которое не нарушило хотя бы одного лимита; более 10 нарушили оба. Национальным властям было также предоставлено право снижать в упрощенном порядке ставки налога на добавленную стоимость, не выходя за пределы общего для ЕС диапазона в 15–25%. Размер государственной помощи, не требующей разрешения Еврокомиссии, был поднят в пять раз – до 500 тыс. евро. Европейский центральный банк за период с середины октября 2008 г. по середину мая 2009 г. снизил базовую ставку с 3,75 до 1%. Эти и другие решения ЕС способствовали проведению более гибкой антикризисной политики на национальном уровне.

Финансовая помощь государствам-членам, испытывающим острую нехватку ресурсов, необходимых для спасения банковского сектора и поддержки реального сектора экономики. На первом этапе финансового кризиса, когда разрабатывалась антикризисная программа ЕС, возникли серьезные разногласия между странами ЦВЕ и группой наиболее развитых стран, составлявших ядро ЕС-15. Последним, особенно Германии, Франции, Италии и Великобри-

тании, было брошено обвинение в эгоизме и протекционизме. В частности, выдвигалась идея учреждения на уровне Союза особой программы финансовой помощи новым государствам-членам. Однако эта идея была отвергнута и по финансовым, и по политическим мотивам, не в последнюю очередь по той причине, что она фактически закрепляла разделение ЕС на два лагеря. Размеры помощи, запрашиваемой странами ЦВЕ и некоторыми другими государствами на осуществление антикризисной политики, как правило, были значительно выше сумм, выделенных им Евросоюзом. Поэтому они не раз прибегали к заимствованиям у международных финансовых организаций, к продаже государственных ценных бумаг и долгов.

Тем не менее, следуя принятой стратегии дифференцированного подхода, ЕС систематически оказывал им финансовую помощь. В марте 2009 г. Евросовет принял решение увеличить вдвое, до 50 млрд евро, объем помощи государствам-членам на выравнивание платежных балансов. В течение 2008–2009 гг. Еврокомиссия и Европейский инвестиционный банк приняли десятки решений о финансовой поддержке конкретных секторов и отраслей экономики, а также конкретных компаний стран ЦВЕ. Доля этих стран в расходах Фонда сплоченности и Структурных фондов возросла с 23% в 2006 г. до 52% в 2010 г. К началу 2010 г. 12 новым членам ЕС (страны ЦВЕ плюс Кипр и Мальта) было выделено из этих фондов 72,4 млрд евро [32]. Общие размеры поддержки, оказанной Союзом странам ЦВЕ и другим менее развитым, несомненно, были выше, но какие-либо подсчеты автору данной статьи не встречались.

На наш взгляд, действия, предпринятые на уровне ЕС в целом, способствовали смягчению и преодолению кризиса, и крайне скептические оценки некоторых экспертов представляются неадекватными. Более того, Евросоюзу удалось как минимум сохранить докризисный уровень сплоченности государств-членов. Но к этому надо присовокупить второй важный вывод: ЕС был ограничен в своих действиях как недостатком полномочий, так и дефицитом финансовых ресурсов. Главы государств и

правительств не предоставили Совету ЕС и Еврокомиссии право прямого контроля над осуществлением антикризисной политики национальными властями и принятия каких-либо директивных решений. Что касается ресурсов, то ежегодный бюджет ЕС, установленный в объеме 1% совокупного ВВП Евросоюза, равен 120 млрд евро, или почти в 7 раз меньше, чем бюджет Франции. Все попытки ЕК добиться повышения планки бюджета до 1,25–1,5% ВВП Евросоюза категорически отвергаются его участниками, особенно главными донорами – Германией, Францией и Великобританией. С учетом этих обстоятельств напрашивается еще один важный вывод: кризис весьма убедительно доказал, что системообразующим элементом интеграционного союза остаются суверенные государства, которые пекутся, прежде всего, о собственных интересах. Это особенно относится к крупнейшим из них, именно они определяют пределы перераспределения функций и полномочий в пользу наднациональных институтов.

В принципе, считается, что Евросоюз миновал стадию рецессии. По прогнозам, в нынешнем году еврозону и ЕС-27 в целом ожидает рост ВВП на 0,7%. Однако в восьми странах – Венгрии, Болгарии, Греции, Ирландии, Испании и странах Балтии – прогнозируется спад в размере 0,1–4,0%. В 2011 г. положительная динамика ожидается во всех странах, но темпы роста будут весьма умеренными: в еврозоне – 1,5%, ЕС-27 – 1,6, странах ЦВЕ – в пределах 2,0–4,2%. При этом практически все эксперты согласны в том, что экономическая конъюнктура будет неустойчивой, а некоторые из них предупреждают об угрозе новой рецессии в Европе, ожидаемой в конце 2010 – начале 2011 г. В пользу такого прогноза приводится несколько аргументов – ожидаемое свертывание программ государственной поддержки банковских систем и реального сектора экономики; сохраняющаяся опасность государственных дефолтов в Греции, Латвии, Румынии, Венгрии, Португалии и Ирландии, а также сложности с балансом госбюджета и долгами у Великобритании и Италии; вероятное повышение стоимости кредитов в странах, которые имеют высокую задолжен-

ность или вскоре столкнутся с ростом инфляции и вынуждены будут перейти к антиинфляционной политике; не прекращающиеся даже в условиях кризиса финансовые спекуляции и т. д. В это пламя пессимистических прогнозов плеснул горячего глава МВФ Доминик Стросс-Кан, заявивший в начале марта, что надо готовиться к новому мировому экономическому кризису, который, по его мнению, неизбежен [33].

Сбудутся или нет эти прогнозы, однако Евросоюз принимает меры, направленные на ужесточение финансовой дисциплины. В октябре 2009 г. министры финансов 27 стран договорились начать в 2011 г. процесс сокращения государственного долга. В декабре они же решили создать три надзорных органа для контроля над банками, страховыми агентствами и биржами. В начале нынешнего года было принято решение ввести процедуру контроля над бюджетной политикой 20 государств-членов, превысивших трехпроцентный лимит дефицита. В их числе все четыре крупнейших государства и восемь из 10 стран ЦВЕ. Им предложено представить планы и график сокращения бюджетного дефицита до установленного норматива, при нарушении которых придется платить денежные штрафы. Как будут сочетаться эти меры с достижением стратегических целей ЕС, пока не ясно.

О будущем Лиссабонской стратегии

В последние месяцы Евросовет и Еврокомиссия настойчиво напоминают о том, что надо вернуться к вопросу о судьбе Лиссабонской стратегии. В начале марта этого года Еврокомиссия одобрила документ с витиеватым названием «Европа 2020 – стратегия разумного, устойчивого и связующего роста» (Europe 2020 – a strategy of intelligent, sustainable and inclusive growth)⁴. В нем подчеркивается, что эта стратегия должна быть увязана с ранее принятыми документами касательно Европы-2020 и с Пактом стабильности и роста. Нельзя не обратить внимания на то, что сама Лиссабонская программа в числе этих документов не названа. По мнению ЕК, в фокусе этой стратегии должны быть три приоритета: разумный рост, ориен-

⁴ Содержание документа излагается по [34].

тированный на развитие экономики знаний и инноваций; устойчивый рост, способствующий созданию низкоуглеродной, малоресурсной и более конкурентоспособной экономики; связующий рост, предусматривающий экономику высокой занятости и укрепляющий социальные и территориальные связи. В числе главных целей выделены: (1) повышение занятости лиц в возрасте 16–64 лет до 75%; (2) увеличение расходов на исследования и развитие до 3% совокупного ВВП Евросоюза; (3) осуществление программы 20/20/20 в области климата и энергетики; (4) сокращение отсева в школе до уровня ниже 10%, а также повышение доли молодежи, получившей высшее образование, до 40%; (5) сокращение числа лиц в черте бедности до уровня ниже 20 млн человек.

Оценивая документ, следует отметить, что, частично повторяя цели, задачи и цифры Лиссабонской стратегии, он существенно дополняет их. Это, кстати, косвенно подтвердил председатель ЕК Жозе Мануэл Баррозу [34]. Отвечая на вопрос одного из журналистов о том, насколько реалистичны амбиции новой стратегии, председатель ЕК заявил, что целью Лиссабонской стратегии 2002–2010 было создание наиболее конкурентоспособной экономики в мире, во что он, Баррозу, не верил с самого начала. Этот ответ нельзя понять иначе, как желание отмежеваться от Лиссабонской программы, заменив ее новой стратегией.

Надо, однако, заметить, что и она представляется чересчур амбициозной. По крайней мере, два количественных ориентира, скорее всего, достигнуты не будут – 3% отчислений от ВВП на науку и технологии и четырехкратное сокращение численности бедного населения (сегодня она равна 80 млн человек). В целом же, осуществлению этой стратегии будут препятствовать огромные проблемы, которые возникли в большинстве стран ЕС вследствие кризиса, и неустойчивая мировая экономическая конъюнктура в предстоящие годы.

* * *

Наличие внутренних сложностей и противоречивых тенденций в Евросоюзе, с одной стороны, и экономическая и политичес-

кая неустойчивость, присущая нынешнему периоду мирового развития, – с другой, делают невозможным однозначный прогноз того, как будет эволюционировать ЕС в обозримом будущем. Несомненно, важнейшим фактором такой эволюции является прогресс экономической конвергенции.

Как было сказано выше, показателем достаточного уровня экономической конвергенции в ЕС считается ВВП на душу населения на уровне 75% от соответствующего показателя по ЕС в целом. Кризис выявил условность данного критерия, но все же его можно воспринимать как промежуточный показатель прогресса конвергенции. К началу 2010 г. этот уровень превзошли Словения и Чехия. Венгрия и Словакия находятся в диапазоне 60–70%, Польша, Эстония и Литва – в пределах 50–60%, Латвия, Румыния и Болгария – 40–50% [35]. Сколько времени понадобится им, чтобы поднять планку до установленного уровня? Ирландии, стартовавшей с показателя 60,8%, для этого понадобилось 18 лет; Португалия за 17 лет (1987–2003) подняла планку с 54 до 74,2%; Греция за 23 года (1980–2003) – всего на два пункта, с 70,5 до 72,5%. Три страны – три сценария. Смысл сравнения понятен: долгосрочные прогнозы очень ненадежны. Но очевидно, что реальная конвергенция ЕС-15 и ЦВЕ-10 растянется надолго. Вероятно, этот процесс возобновится не раньше, чем через два-три года. По весьма приблизительным расчетам, при устойчиво благоприятной экономической конъюнктуре 75%-й уровень будет достигнут Венгрией и Словакией во второй половине нынешнего десятилетия, Польшей, Эстонией и, возможно, Литвой – в лучшем случае к 2020 г. или чуть позже, Латвией и Румынией – 2025–2030 гг., Болгарией – после 2030 г.

В то же время, как показал кризис, оценка уровня экономической конвергенции большинства менее развитых государств-членов ЕС на основе показателя ВВП на душу населения существенно завышена. Суть конвергенции состоит в сближении не количественных показателей, а качества экономики – ее технологического уровня, культуры труда и менеджмента, профессиональных качеств специалистов и

рабочих, практического опыта экономической и социальной политики государства.

Представляется очевидным, что конвергенция и вступление ряда стран в ЭВС будет одной из наиболее сложных задач Евросоюза в предстоящем десятилетии. Ее решение потребует огромных финансовых вложений, постоянных политических усилий с целью согласования множества интересов участников еврозоны и претендентов на вступление в нее, а также перераспределения функций и полномочий в пользу наднациональных институтов. Вероятно, ЕС и в 2020 г. будет разделен на две части – члены ЭВС и группа не входящих в него государств, в которую, помимо трех-пяти стран ЦВЕ, будут входить Великобритания, возможно, Дания и Швеция, а также некоторые государства-кандидаты, которые успеют вступить в ЕС до конца нынешнего десятилетия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Key figures on Europe*. Statistical Pocketbook 2006. Brussels–Luxembourg, Eurostat, 2006. P. 35–36, 117.
2. www.unctad.org
3. <http://epp.eurostat.ec/Europe.eu/pls/portal/docs/>
4. *The European Economy*. Brussels–Luxembourg, Eurostat, 2008, Statistical Annex.
5. *Cameron F.* The European Union and the Challenge of Enlargement // *The Enlarging the European Union: relations between the EU and Central and Eastern Europe* / Ed. by Marc Maresceau. London and New York, Longman, 1997. P. 251.
6. *Vestnik «Europe»* // asos@sender.itar-tass.com – 2.02.2004.
7. <http://en.wikipedia.org/wiki/Convergence>
8. *European Economy*. 2004. N 6.
9. *Европа*. 2004. № 6(40). С. 10.
10. *General Report on the Activities of the European Communities/Union*. Luxembourg, 1991–2002.
11. *EIB*. Annual Report 1997. Luxembourg, 1998. P. 114.
12. *EIB*. Information. 2001. N 1. P. 4.
13. *EIB*. Information. 2002. N 1. P. 12.
14. *EIB*. Financial Report 2002. Luxembourg, 2003. P. 2.
15. *European Union foreign direct investment yearbook 2001*. Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities, 2002. P. 55.
16. *General Report on the Activities of the European Union*, 2007. Luxembourg, 2008. P. 92.
17. *Europe in Figures*. Eurostat Yearbook 2009. P. 73.
18. *Basic Guide to the World Economic Growth, 1970 to 2007*. A Report by the Global Social Change Research Project // <http://gsociology.icaap.org>
19. <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2008/01/pdf/tables.pdf>. P. 241–247.
20. <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2009/02>
21. *Захарова Н.В.* Выполнение Лиссабонской стратегии странами Евросоюза: проблемы, перспективы // *Современная Европа*. 2008. № 1.
22. *Lisbon Strategy for Growth & Jobs: Commission's Annual Progress Report – frequently asked Questions* // www.europa.eu
23. *Европейский Союз: факты и комментарии*. 2009. № 57. С. 10.
24. *May В.* Драма 2008 года: от экономического чуда к экономическому коллапсу // *Вопросы экономики*. 2009. № 2.
25. *Иванов И.* Будни антикризисной борьбы // *Современная Европа*. 2009. № 3.
26. *Барьши К.* Новая Европа и экономический кризис // *Мир перемен*. 2009. № 2.
27. *Сатир Ж.* Кризис XI века // *Мир перемен*. 2009. № 3.
28. http://ec.europa.eu/economy_finance/publications
29. http://ec.europa.eu/economy_finance/publications/publication16055_en.pdf
30. *Süddeutsche Zeitung*. 27.02.2010.
31. *IMF*. World Economic Outlook Database // www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2009/02
32. http://ec.europa.eu/budget/budget_detail
33. <http://top.rbc.ru/economics/09/03/2010/378143.shtml?print>
34. *EU/Strategy 2020* // *Bulletin Quotidien Europe*. № 10090, 4/3/2010, point 9.
35. http://en.wikipedia.org/wiki/Economy_of_the_European_Union

(Окончание следует)

Материал поступил 01.04.2010 г.